Семь грехов лорда Кроули

Автор:
Диана Соул

Семь грехов лорда Кроули

Диана Соул

«Семь грехов лорда Кроули» – фантастический роман Дианы Соул, жанр любовное фэнтези, приключенческое фэнтези. Опасаясь за свою жизнь, я вынуждена скрываться под монашеской рясой. Но судьба – коварная штука, и я оказалась в одной карете с тем, кого считаю своей главной угрозой – лордом Кроули. Этот нахальный подлец едет на собственную свадьбу с принцессой, и ему очень нужна монашка, способная отпустить грехи и исполнить древний обряд очищения. Иначе не видать ему короны как собственных ушей. Вот только у меня свой план насчет лорда…

Диана Соул

Семь грехов лорда Кроули

© Соул Диана

© ИДДК

* * *

Пролог

Отец учил меня: если встретишь врага – не рассусоливай, стреляй сразу в голову.

Проблема нынешней ситуации была в следующем: у меня нет пистолета, я одета в монашескую рясу и еду в одной карете с убийцей – сопровождаю на его собственную свадьбу. Кроули!!!

Если бы могла, вцепилась бы прямо здесь и сейчас руками в его шею, сжимая как можно сильнее, но интуиция подсказывала – шансов в этой неравной борьбе у меня нет.

Кроули выше меня на две головы, молод и быстр, отлично тренирован. Я вижу это даже по мимолетным движениям – они скупы и размеренны, как у льва перед атакой.

И даже взгляд у этого мужчины не как у обычного человека, царский, хищный, как у хозяина мира… Впрочем, именно на этом поприще он еще не добился полного успеха.

– Вы на меня странно смотрите, достопочтенная аббатиса, – неожиданно произнес мой враг. – Я бы сказал воинственно. Мои люди обидели вас?

Это была первая фраза за все время, как мы отъехали из Локшера, города моего отца… Хотелось бы ответить правду, что его люди здесь ни при чем, но я не имела права выдать себя.

Меня до колик в душе приводит в ярость факт, что мой отец мертв, а его убийца мало того, что на свободе – так еще и улыбается, глядя на меня своими завораживающими, будто у дьявола, глазами с легким прищуром и насмешкой. Он рассматривает меня и, кажется, видит насквозь…

– Ваши люди не сделали мне ничего, лорд Кроули, – ровно ответила я, сжимая в руках жемчужные четки с крестом, украшенным россыпью бриллиантов. – Но они лишь в общих чертах объяснили, зачем вам понадобилась представительница ордена Святого Антуана. Компаньонка? Мужчине?

– Вы удивлены? – Кроули вскинул бровь вверх. – Насколько знаю, это требования вашего ордена, иначе моя свадьба с ее высочеством Иолантой не состоится.

Я прикусила язык. Черт! Это же надо так глупо и быстро проколоться. Да я вообще не имела никакого понятия о нравах и требованиях церкви, Библию пару раз в руках держала, а про воскресные посещения мессы лучше промолчать. Меня воспитывали в далеких от религии традициях.

А теперь нужно было выкручиваться.

– Разумеется, удивлена, – на ходу принялась сочинять я. – Я только сошла на берег в порту Локшера, прибыв из полугодичного миссионерства, как ваши люди нашли меня и срочно потребовали присоединиться к этому путешествию в столицу, не объясняя ровным счетом ничего. Поэтому посвятите меня в подробности, лорд Кроули.

Я уставилась прямо в голубые глаза этого стервеца. Так уж получилось, что документы в украденном одеянии монахини оказались не чьи-нибудь, а одной из аббатис столичного ордена. А это, даже я знала, немалый чин, который позволял общаться с этим человеком практически на равных. По крайней мере, пока обман не раскроется, но я собиралась исчезнуть раньше.

Кроули поджал губы, провел ладонью по своим черным как смоль волосам и с неохотой, но все же произнес:

– Буду с вами откровенен, аббатиса. Когда представители невесты объявили мне о требовании покаяния перед свадьбой, я был взбешен. Все прекрасно понимают, что ни один мужчина в моем возрасте не станет хранить целибат, но духовенство настаивает на обряде, причем в обязательном порядке проведенном представительницей именно ордена Святого Антуана. Я вынужден согласиться.

Я кивнула с умным видом, будто что-то поняла из сказанного, хотя некоторые выводы сделала. Он собрался мне исповедаться?

Кроули тем временем продолжал:

– Путь до столицы займет около десяти дней, и каждый вечер я должен буду каяться вам в собственных ужасных прегрешениях, – при последних словах на лице Кроули возникла похабная усмешка.

Да и весь вид этого человека говорил, что в гробу он видел искреннее покаяние, а мне неожиданно стало весьма и весьма любопытно. Что именно я могла узнать об этом человеке из его собственных уст?

– Мне кажется, лорд, вы несерьезно относитесь к делам Божьим, – вымолвила я со всем присущим пафосом. – Это не клоунада для вашего развлечения, и любое требование должно быть выполнено с особой тщательностью.

– Я же сказал, что хочу быть с вами откровенен, аббатиса, – заявил он. – Потому откровенно заявляю, что из моих уст вы услышите лишь то, что я захочу рассказать. А всю эту религиозную чушь…

– Тогда свадьба не состоится, – перебила я, тряхнув четками, и жемчужинки гневно застучали друг о друга. – Можете высадить меня из кареты прямо здесь. Я доберусь до столицы своим ходом, а после сообщу преподобному отцу, что вы лукавите перед Господом нашим и не можете предстать с чистой душой перед невинностью ее высочества принцессы Иоланты.

– Отбросьте патетику, аббатиса. Все эти ваши “только женщина может отпустить грехи мужские”. Хватит, я уже наслушался. Это договорной брак: королевству нужны мои деньги, мне нужны титул и власть. Так что свадьба состоится в любом случае, и никакое духовенство не помешает этому.

Настало мое время улыбаться – лишь кончиками губ, а после твердо произнести:

– Если бы это было так, вы бы не перевернули половину порта в поисках подходящей монахини, лорд Кроули. Посему давайте продолжим наше путешествие в молчании: мне нужно помолиться, а вам – подумать над покаянием.

Челюсти мужчины сжались так сильно, что я была уверена: еще немного, и он раскрошит себе зубы в крошку, а значит, я попала в точку.

Кроме того, теперь у меня появился способ отомстить лорду за смерть моего отца, ведь чем дольше я нахожусь рядом с Кроули, тем больше узнаю тайн, чтобы использовать против него.

Глава 1

Двумя сутками ранее

Приличных девочек воспитывают в строгости.

Стремясь вырастить истинных и послушных леди, родители отправляют собственных чад по школам благородных девиц при монастырях, и через десять лет получают кроткую лань, не способную даже глаза поднять выше собственного роста.

Мой же отец посчитал такой подход полной чушью.

Будучи владельцем крупнейшего портового города, лорд Антуан де Сент сразу после моего рождения приказал девочку спрятать от чужих глаз и воспитывать так, чтобы ему не было за меня стыдно.

Уверена, в глубине души он надеялся, что мать подарит ему еще и сыновей, но, увы, не случилось. Мать скончалась от чахотки, когда мне было три, и тогда моим воспитанием занялась мадам Роксан – лучшая подруга матери и истинная стерва во плоти. Она много курила, любила дорогие наряды, украшения и ненавидела большинство мужчин.

Не знаю, как именно отец уговорил ее покинуть город, уехать в глушь ради воспитания мелкой девчонки, но я была ему благодарна за это. При всех своих недостатках Роксана всегда обладала некой циничной житейской мудростью.

В провинции, у черта на куличках, где мы поселились под чужими именами, никто даже подумать не смел, что девочка-сорванец Беллатриса дочь истинного лорда.

В то время как мои сельские подружки, с которыми мне позволяла общаться мадам Роксана, ходили по воскресеньям в церковь и учились ручному труду, мне преподавали танцы, этикет, математику, стрельбу и немного бытовой магии, к которой у меня обнаружились слабые способности.

Отец же приезжал редко, хорошо, если раз в полгода, но каждый его визит для меня был целым событием. Очень быстро я поняла, что такое положение вещей в моей жизни не случайно – врагов у лорда де Сента было много, а вот из наследников лишь я.

– Твоему отцу следовало бы завести сыновей от другой женщины, – неоднократно поговаривала мадам Роксана, особенно вечерами, когда употребляла бокал-другой вина. – Но он слишком любил твою мать, так что тебе повезло, Беллатрис. Когда-нибудь ты унаследуешь целый город, да еще какой…

Я жила мыслью и уверенностью в этом, хотя слухи даже до нашей провинции доходили разные и противоречивые.

Так однажды в одной из газет я прочла о лорде Кроули – молодом, амбициозном, с кучей денег, метившем на место моего отца, у которого нет наследников и который уже немолод.

Помню, тогда скомкала газету и хотела выбросить, но передумала. Разгладила и спрятала в укромном месте, чтобы, когда приедет отец, спросить у него напрямую, что все это значит.

Тогда-то я и услышала о завещании, в котором указано мое имя, и о том, что если что-то случится, то тогда все узнают о моем существовании. Я стала козырем в рукаве собственного отца.

Признаться, мне нравилось думать об этом, чем-то даже льстило.

Годы тем временем шли, мне минуло девятнадцать. Мои подруги повыходили замуж, и скучное существование в провинции мне порядком опротивело. Хотелось уже побыстрее выбраться из этой скорлупы и зажить настоящей жизнью.

В этот момент я и получила письмо от отца – собираться в город. Он ждет. Появились важные новости, которые я срочно должна была узнать.

В тот же вечер я и мисс Роксана выехали в Локшер и через трое суток пути добрались до города. Несмотря на поздний закатный час, жизнь тут кипела, туда-сюда сновали люди, из окон таверн слышались пьяные песни, лилась музыка, и все это тонуло в пыли, поднятой многочисленными лошадьми и экипажами.

– Сядьте ровно, Беллатрис, – строго произнесла мисс Роксана. – Вы торчите в окне, будто глупый пудель. Разве так пристало вести себя будущей владелице всего этого?

– Прошу прощения, – я отстранилась от окна. – Это все любопытство.

– Там нет ничего интересного, – скучающе произнесла женщина, чиркая зажигалкой, чтобы поджечь одну из сигарет, которые она смолила по десятку в день. – Простые люди, ничем не отличающиеся от тех, с кем вы провели все свои годы.

– Но их так много…

– Разве это фактор? – лениво спросила Роксана. – Разве этому я вас учила?

– Нет, – отчеканила я. – Важна лишь суть. Зная суть, можно постигнуть смысл вещей, а значит, управлять ими.

– Вот именно, – кивнула она. – Это бедняки, крестьяне – их потребности низменны, и, если их иногда удовлетворять, они будут спокойны и лояльны к вашей власти. Главное, не давать слишком многого и не отбирать, в противном случае эти люди имеют свойство наглеть или устраивать восстания.

Дальше поехали молча, хотя я украдкой и косилась в окно.

Так миновали несколько кварталов, пока карета неожиданно не встала.

В окно было видно, что впереди собралось множество людей, которые чего-то ждали.

Через пару минут такого бессмысленного стояния мадам Роксана не выдержала.

– Что там такое? – выглянув в окно, крикнула она вознице.

Но ответ, даже если он и был, мы не услышали.

Толпа взревела и принялась скандировать:

– Лорд Кроули! Да здравствует лорд Кроули!

В этот раз свое любопытство я не сумела пересилить и выглянула, отведя в сторону вторую занавесь.

Толпа, мешавшая нам проехать, радовалась и улюлюкала, пропуская другой экипаж – открытую колесницу, в которой стоял молодой мужчина и приветствовал собравшихся, подняв руку с тростью. Он был молод и действительно притягателен. Красивое лицо, обаятельная улыбка. Женщины из толпы бросали в него цветами и буквально млели в попытке поймать его взгляд.

– Хорош, черт, – услышала я полушепот мадам Роксаны. – Беллатрис, сядьте на место!

Пришлось подчиниться, тем более что загадочный лорд уже проехал мимо и толпа начала расходиться.

Наша карета двинулась вперед.

– Лорд Кроули, – задумчиво произнесла я, понимая, что это имя мне знакомо из газеты.

– Конкурент вашего отца, – строго произнесла Роксана и закашлялась, а когда прекратила, договорила: – Не вздумайте поддаваться его обаянию, Беллатриса. Этот человек ваш враг и другом никогда не станет.

Я согласно прикрыла глаза, и наш путь продолжился далее.

– Дом вашего отца, – произнесла Роксана через несколько часов пути, когда я уже отчаялась доехать до конца.

Этот город Локшер оказался просто огромным, даже не верилось, что всем этим может владеть мой отец и когда-нибудь смогу и я. А ведь мы проехали всего половину, оказавшись ровно в центре у огромной четырехэтажной резиденции.

Роксана переговорила о чем-то с охраной, показав им письмо с печатью лорда, после чего нас пропустили на территорию.

– Куда теперь? – спросила я, когда карета остановилась у огромного крыльца с уходящими вверх ступенями.

– К вашему отцу, разумеется, – ответила женщина, спускаясь с порожка экипажа и наконец выпрямляясь в полный рост и вдыхая воздух полной грудью – Наконец-то город. Как же я по нему скучала!

Глава 2

– Ты с ума сошла!!! – мой отец рвал и метал, расхаживая по кабинету из стороны в сторону. – Привезти Беллатрис сюда! Без моего позволения!!! Ты хоть понимаешь, какой опасности подвергла девочку?

Его крик, казалось, отдается у меня в ушах, и невольно мне захотелось втянуть голову в плечи, лишь бы он не ругался. Лишь воспитание и умение ровно держать осанку не позволили мне этого сделать.

Роксана тоже ощущала себя не в своей тарелке. От нервов она уже скурила три сигареты и теперь поджигала четвертую. Потому что едва ли не с порога, как только мой отец увидел нас, вначале побледнел, принялся кричать, а после и вовсе утащил в кабинет, захлопнув за нами двери.

– Лорд де Сент, – начала женщина, – но ваше письмо. Я бы никогда не осмелилась самостоятельно нарушить ваши приказания.

– Что еще за письмо?

Роксана протянула конверт отцу, тот схватил его и грубо распечатал, едва не разорвав по краям, мучительно всматриваясь в строки.

Я же прикусила губы, понимая очевидное – отец меня не звал, а значит, письмо послал кто-то другой…

– Ничего не понимаю, – пробормотал папа, присаживаясь за стол и беря с него очки. – Печать моя, даже почерк… Какая искусная подделка.

– Вы отправите меня обратно, отец? – взволновано спросила я, впервые решаясь что-то произнести.

– Сиди уже, – даже не поворачиваясь в мою сторону, бросил он. – Хотя нет. Роксана, уведи Беллатрис, мне нужно подумать.

Женщина резво поднялась со своего стула, потушила сигарету и подошла ко мне, взглядом показывая, что лучше побыстрее убраться от гнева лорда.

Стоило только нам оказаться за дверями, как я четко обозначила свою позицию:

– Я не хочу обратно в деревню.

Роксана дернула меня за рукав и потянула вперед по коридору, в сторону комнат, куда как раз заносили наши вещи.

– Вы что, совсем ничего не понимаете, Беллатрис? – шепотом, но очень выразительно спросила она. – Ваш отец тщательно скрывал ваше местоположение от своих врагов. Боялся за вашу жизнь. В обществе даже ходили слухи, что у него нет никакой дочери и она давно умерла. И вот мы получаем это письмо и приезжаем сюда. Понимаете, к чему я веду?

– Это ловушка, – догадалась я.

– Совершенно очевидно, – кивнула Роксана. – Так что держите ухо востро и никому не доверяйте в этом доме.

С этими словами она умолкла, потому мы добрались до комнаты, где и просидели до самого вечера.

Мадам запретила даже разбирать вещи – была уверена, что отец отправит нас в новое место, пока не раздался стук в дверь.

Заглянувший слуга доложил, что меня ожидает лорд де Сент.

– Леди ждут одну, – дополнил он, когда вслед за мной встала и Роксана.

Отец по-прежнему сидел в кабинете за столом, казалось, он так и не вставал с момента, как мы его покинули. Разве что теперь все пространство комнаты освещал огонь свечей, а рядом с правой рукой отца на столе появился нож для писем.

– Сядь, Беллатриса, – произнес он, указывая мне в кресло напротив. – Мы должны с тобой серьезно поговорить.

– Слушаю, отец.

– Я надеялся, что этот разговор состоится позже, но раз кто-то прознал о твоем местонахождении, скрывать тебя дальше бессмысленно. Завтра я официально объявлю о тебе обществу и представлю как собственную наследницу!

Мое сердце от этих слов заколотилось чаще. Не то чтобы я так сильно жаждала занять место отца побыстрее, но сам факт того, что мое заточение подойдет к концу, и официальное признание окрыляли меня. И только колокольчик интуиции своим звоном портил всю радость.

– А что, если это ловушка? – повторила я то, о чем мы говорили с Роксаной. – Что, если кто-то специально вызвал меня…

– И я даже знаю кто, – отец скомкал письмо, которое все еще держал в руках. – Чертов Кроули! Это все его происки!

– Кроули?! – вот уже второй раз за день я слышала эту фамилию, и она приводила отца в ярость.

– Не смей даже пачкать свои губы, произнося имя этого гаденыша, – прошипел отец. – Впрочем, скрывать от тебя бессмысленно: этот стервец метит на мое место, и твое существование ему как кость в горле. Последние годы он только и надеется получить Локшер в полное владение, если у меня не будет наследников. И убеждает в этом короля, для этого он даже собирается жениться на этом блеющем недоразумении – принцессе Иоланте.

Голос батюшки опять взвился вверх и от волнения замер где-то на высокой ноте. Лорд схватился за сердце, тяжело задышав.

– Что с вами, отец? – вскочила я, перепугавшись.

– Ерунда, сердце шалит в последнее время, – он дернул верхний ящик стола, доставая оттуда гербовую бумагу. – Здесь свидетельство о том, что признаю тебя своей дочерью, и мое завещание. Хочу, чтобы ты хранила эти бумаги у себя. А завтра я представлю тебя…

Договорить он не успел, нож, который я приняла за канцелярский, неожиданно завибрировал, раскаляясь докрасна и тут же добела.

– Артефакт, – изумленно выдохнула я, впервые видя близко столь дорогую и редкую вещь.

Но отец моих восторгов не разделял. Его лицо совсем побледнело.

– Трисс, спрячься, – произнес он, дергая меня за рукав и заставляя посмотреть ему прямо в глаза. – Сиди тихо, что бы ни произошло. Вспомни все, чему тебя учила эта хитрая шлюха, и не подавай ни звука.

– Какая шлю…

– Делай, как я сказал! – скомандовал отец, и я подчинилась.

Бросилась за дальнюю от отца штору, завернувшись в плотную материю. Я оставила себе лишь тонкую щель, чтобы наблюдать, а сердце мое колотилось, будто пичуга в клетке.

Мой отец испугался, но не за себя – за меня. Я видела этот страх у него в глазах, но не понимала, кого именно лорд может бояться в собственном доме, где полно охраны.

И двери распахнулись.

Резко и абсолютно бесшумно, будто что-то заглушало все лишние звуки. В комнату вошла тень.

Я пыталась вглядеться в черты силуэта, но чем пристальнее это делала, тем сильнее они плыли. Магия…

Не будь у меня способностей, я бы и вовсе ничего не заметила. Видимо, так это и работало, иначе “тень” бы не сумела пробраться мимо слуг и охраны.

– Пришел за мной? – голос моего отца прозвучал хрипло и тускло.

Тень качнулась вперед, мгновенно преодолевая половину кабинета до края отцовского стола.

– Ты сам виноват. – Даже голос тени был изменен, звучал неестественно, будто из глухой трубы. – Я просил не вмешиваться в мои планы.

– Твои планы? Это ты вмешался в мои, – отец усмехнулся и потянулся ко второму ящику стола, доставая оттуда револьвер. – Я изначально сказал, что этой свадьбы не будет, иначе я расскажу всем…

– Заткнись! – всколыхнулась тень, и отец расхохотался:

– Ты даже сейчас, когда никто не слышит, боишься, что я могу произнести вслух твой секрет.

– Я лишу тебя всего, – прошипела тень, вытягивая вперед руку с чем-то длинным – тростью, догадалась я, – со светящимся красным набалдашником и коснулась ею завещания. – Города, власти, дочери… А ведь сейчас она наверняка едет сюда навестить папочку!

Отец попытался остановить тень, но та придвинула документы к себе, буквально пригвождая отца концом трости к стулу и не давая ему пошевелиться. Красный камень при этом вспыхнул так ярко, что едва не ослепил меня.

Еще один артефакт.

– Любопытно, – произнесла тень, складывая документы и пряча в складках тьмы. – Пожалуй, заберу их себе на память. Будет весьма и весьма любопытно посмотреть, что из этого выйдет.

– Что ты задумал? – хрипя и задыхаясь, спросил отец. Трость явно не давала ему даже возможности пошевелиться.

– Как и обещал. Лишу тебя всего… Титула, жизни и дочери. Она умрет, и никто даже не узнает об этом. Я ведь не ошибусь, когда скажу, что никто не знает ее в лицо? А потом найду сговорчивую девицу, которая сумеет сыграть ее роль.

– Ты не посмеешь!

– Считай, уже посмел.

Тень убрала трость, но уже в следующий миг схватила нож со стола отца и метнула ему в грудь.

От вскрика меня удержали лишь собственные руки, которыми я зажимала рот, боясь даже дышать.

Тень же развернулась, покинув кабинет, и даже двери за ней закрылись точно так же, без шума.

– Отец… – я вывалилась из-за занавеси, запутываясь в ее полах, и что есть сил поспешила к все еще живому отцу.

Нужно зажать рану, чтобы остановить кровь.

– Я позову врача, – зашептала я, подскакивая и пытаясь закрыть рану руками. – Тебе помогут.

– Нет… молчи, – рука отца накрыла мою и отвела в сторону от раны. – Он может вернуться, а у тебя мало времени.

– Кто это был? Мы можем позвать охрану, гвардейцев, полицию… Папа…

Я всхлипнула, а он закашлялся и вцепился в мою руку столь сильно, что мое сердце сжалось в тисках боли.

– Беги из города, – на последнем издыхании произнес он. – Иначе ты следующая. И не верь никому.

Глава 3

Карета продолжала трястись по извилистой дороге и ухабам. Это для задницы Кроули только начало поездки, для меня же дорога будто никогда и не заканчивалась. От выезда из деревеньки до Локшера, а теперь в столицу – в экипаже с убийцей.

Я вспомнила тень из кабинета отца, укравшую бумаги на мою жизнь. Вполне возможно, что сейчас завещание было где-то совсем рядом, а я просто не могла его достать.

И еще эта чертова трость. Я смотрела, как Кроули вертит ее в руках, помнила, что сделал артефакт с моим отцом, и уговаривала себя – лучше не глупить.

Месть – блюдо, которое подают холодным и с кровью. С кровью этого подонка, разумеется.

– Вы опять странно на меня смотрите, аббатиса, – произнес лорд.

– Возможно, это мой обычный взгляд на жизнь, – парировала я.

– Слишком уж злобный для представительницы самого миролюбивого монашеского ордена.

Я опустила глаза. Неужели все настолько очевидно? И тем не менее отвечать пришлось:

– Уверена, это лишь игра света. Либо происки дьявола, чтобы настроить вас против меня. А вы, напомню, должны мне доверять, лорд Кроули.

– Без сомнений. Кому, как не вам, благочестивая аббатиса. Между нами определенно не должно быть секретов. К слову, можно ли вопрос? Он волнует меня с самого начала поездки.

– Задавайте, но помните, – я простерла указательный палец вверх. – Это вы должны исповедоваться Богу в моем лице, а не наоборот.

– Что вы, преподобная аббатиса. Я ни в коем случае не претендую на лицо Бога, ни в вашем, ни в чьем-либо другом лице. Мне просто любопытно, а сколько вам лет?

Так и знала, что с этим могут быть проблемы. Даже мои далекие от религиозного быта познания подсказывали, что для монашеского чина аббатисы я выгляжу слишком молодо. Даже более чем слишком, и мой истинный возраст в девятнадцать лет озвучивать нельзя ни в коем случае.

– Больше, чем вам могло бы показаться, – я решила попробовать выкрутиться с ответом. – Да и что такое возраст, когда важен исключительно опыт. А он, поверьте, за моими плечами немалый.

– Да-да, я отдаленно слышал, что самой младшей аббатисе в ордене около ста тридцати.

Услышав подобное, я едва не поперхнулась, но сдержала себя. Тем более что Кроули продолжал:

– Вам бы я и восьмого десятка не дал.

Я мысленно прокляла себя, что не посмотрела возраст аббатисы в документах, которые достались мне вместе с одеянием.

Лезть же и уточнять сейчас было несколько поздновато, приходилось юлить, обходя опасные углы разговора. А заодно припомнить, что однажды, лет десять назад, в нашу провинцию заезжала с проповедями одна из столичных аббатис. Роксана, как и всегда, заявила, что нечего слушать церковную чушь, и из-за этого я видела преподобную лишь мельком, когда та проезжала мимо в открытом экипаже. И выглядела она точно моложе сотни лет, максимум на сорок!

– Значит, деньги на омолодительную магию потрачены не зря, – нашлась я.

– Деньги прихожан, хотите сказать, – неожиданно напал на меня Кроули.

– Я? Хочу сказать? – изумилась, сощурившись, чтобы пристальнее посмотреть в эти наглые глаза. – Вы, кажется, опять стали забывать, кто именно здесь должен каяться в своих грехах. И возможно, это вам придется рассказать, как вы нажили столь огромное состояние и какими путями.

Уголки рта Кроули дрогнули в подобии усмешки.

– А вы зубастая, аббатиса.

– Опытная, – исправила я, мысленно же понимая, что опыта у меня кот наплакал.

Скорее, я просто использовала все то, чему меня учила Роксана, а именно: напали – кусай в ответ.

И вторая мудрость – никогда не позволяй мужчине становиться главным: сожрет, подавит и оставит нянчиться с детьми.

Правда, последнее она добавляла редко, в те часы, когда злоупотребляла лишним бокалом вина или чего покрепче. И один раз даже подкрепила примером в адрес моего отца: что сожрал и подавил лорд де Сент мою мать, а вот с дитем нянчится в итоге она.

Я тогда обиделась, но ненадолго. Мадам Роксану можно было понять: у нее в Локшере ведь была своя жизнь, которую пришлось оставить по приказу лорда.

И все же теперь пробелы моего образования вскрывались с совершенно неожиданной стороны. Мне бы сейчас пригодилось знание парочки молитв, поэтому, пока карета продолжала свой путь, я погрузилась в неистовое чтение Библии.

Надежда, что она окажется понятной, как учебник по естественным наукам, не оправдалась с первых же строк. Все было туманно, витиевато, и где-то через сотню страниц я окончательно потеряла надежду найти хоть что-то полезное в этом небольшом карманном томике.

Выводов, кроме тех, что нужно страдать как можно больше и чаще, чтобы тебя услышал наконец Бог, я не сделала. Хотя страдала воистину, совершенно не понимая, что должна делать вечером, когда Кроули решит мне исповедаться.

Наверняка нужны были какие-то правильные слова или что-то подобное.

Но видимо, судьба сжалилась или Бог услышал, но я наткнулась на притчу-песнь о неком царе-многоженце Ломире, который вдруг решил жениться на молодой принцессе Вие из соседней страны. Но отец девушки ответил отказом, пока Ломир не получит отпущение всех своих грехов и не откажется от иных жен, кроме принцессы.

В качестве исполнительницы обряда была прислана проповедница, духовная советница короля-отца, женщина седых волос и бесконечной мудрости – Амелла. Каждый вечер Ломир приходил к ней, чтобы рассказать о грехах, тяготящих его душу, а она слушала.

Первые дни слышала она лишь ложь из его уст, царь не желал расставаться со своими секретами, но шли недели и месяцы… Амелла сопровождала каждый шаг Ломира, не давая ему согрешить вновь и оберегая его душу…

Я округлила глаза, Кроули обозначил срок в десять дней, за которые планировал получить отпущение. Библия же считала иначе.

“Лишь когда последний грех был высказан вслух, а царь плакал в ногах пресвятой от осознания черноты свой души, Амелла очистила его совесть и дозволила Ломиру вступить в священный брак с принцессой”.

Ну прекрасно!

То бишь я должна довести Кроули до слез покаяния в моих ногах, чтобы дать “добро” на свадьбу.

Нужно будет обязательно сообщить ему эту изумительную новость, уверена – Кроули воспримет ее с “огромным удовольствием”.

– В вашей книге пишут что-то смешное, достопочтимая аббатиса? – вновь вклинился в мои мысли тягучий голос этого подонка.

– С чего вы взяли, лорд Кроули? В Библии нет места шуткам.

– Но вы так улыбаетесь…

– Это от света, который несет Слово Божье, – возвышая голос для патетичности момента, ответила я. – Но если говорить о смехе, то нельзя не упомянуть и слезы.

Кроули заметно напрягся, это стало заметно по его плечам, которые из расслабленных вдруг сделались каменными.

– Что вы имеете в виду?

– Представители моего ордена ведь сообщили вам главное условие для очищения души? – я отложила Библию в сторону, а в руки взяла четки и

принялась перебирать бусины-жемчужины.

Назло громко и нервирующе, так, будто это раздражающее тиканье стрелок часов. Чок-чок-чок…

Кроули перевел глаза на мои руки, после вновь поднял взгляд на уровень моего лица.

– Что еще за условие? Речь шла только о наших вечерних беседах.

В этот раз огромных трудов стоило удержать улыбку, потому что хотелось откровенно смеяться.

Пришлось даже выдержать театральную паузу, чтобы дать себе внутреннюю возможность чуть успокоиться.

– Только вода может смыть грязь, и только слезы могут очистить душу, – медленно произнесла я, растягивая фразы и предвкушая будущее удовольствие. – Они и есть главный смысл обряда. Вы должны плакать от раскаяния, лорд Кроули, когда все закончится. В противном случае свадьба не состоится!

Я закончила.

В карете повисла тишина…

И нужно было видеть это самодовольное, вытянувшееся от шока лицо, потому что я его на всю жизнь запомню.

Если бы мог, Кроули придушил бы на месте и меня, и все духовенство, поставившее его в не очень удобную позу.

И я решила “добить” лорда окончательно:

– И да, я буду вынуждена на протяжении всего обряда постоянно находиться рядом с вами, дабы уберечь от новых прегрешений. Ибо вы обязаны предстать перед Иолантой невинным, аки в первый день своей жизни на этой земле.

Надеюсь, это не доставит вам особых неудобств, лорд Кроули?

Я бы посчитала ответом скрежет его зубов, если бы мужчина все же не сумел выдавить:

– Никаких, преподобная аббатиса.

Глава 4

С чтением я покончила лишь тогда, когда за окном потемнело ровно настолько, что я не могла различить ни буквы.

Кроули разговоров со мной больше не заводил, видимо, счел, что еще вечером успеет наговориться настолько, что я у него в печенках засяду. И был полностью прав: Святое Писание оказалось все же занятной штукой, а его витиеватые фразы я решила истолковывать полностью в своих интересах.

Сказано быть с Кроули всегда – я так и сделаю. Нет ничего более интересного, чем портить жизнь собственного врага. Если понадобится – стану стоять даже под дверью уборной, лишь бы стереть наглую ухмылку с этого напыщенного лица.

Я в очередной раз за поездку разглядывала Кроули, но в этот раз стараясь тренироваться делать это не столь злобно. Зеркала у меня, к сожалению, не было, но, судя по тому, что сам лорд в этот раз не отпускал язвительных замечаний, мой взгляд выглядел вполне нейтральным.

– Устали от изучения богословских тем? – поинтересовался он.

– Устать от этого невозможно, но всему есть свое время и час… А впереди ночь – время тьмы.

– Вы правы, аббатиса. Самое время подумать о ночлеге и ужине. – Кроули немного привстал со своего места, чтобы выглянуть в окно и крикнуть кучеру: – Останавливаемся у следующего приличного постоялого двора.

– Слушаюсь, милорд.

Признаю, новость меня обрадовала. Учитывая, что в последний раз нормально я спала еще до отбытия в Локшер, перспектива приличного постоялого двора воодушевляла. А еще ужина…

С едой у меня тоже не слишком задалось, так что я бы не отказалась от горячей пищи с чашкой ароматного чая, пусть даже в компании врага.

Постоялый двор возник на нашем пути примерно через полчаса. Я не слишком разбиралась в уровнях комфортности придорожных гостиниц, но эта в действительности выглядела неплохо.

Когда наша карета и следующий за ней обоз въехали на территорию, я сразу отметила чистоту и ухоженность внутреннего двора по сравнению с теми, в которых нам приходилось останавливаться с мадам Роксаной.

Никаких тебе кур и цесарок, бегающих под ногами, псов, заливающих лаем каждую проезжающую мимо лошадь, грязи, в которой тут же утопали дорожные башмаки.

В этом месте вся грязь была выметена, а подъезд для кареты вымощен камнем, чтобы гости не замарали ног.

– Ну и дыра! – разочарованно произнес Кроули, выглядывая в окно. – Что ж, надеюсь, тут хотя бы прилично кормят.

После этих слов он толкнул дверцу, вышел первым, с хрустом принимаясь разминать затекшие суставы.

О том, что в карете есть представительница женского пола, которой нужно помочь сойти, он, видимо, напрочь забыл.

Впрочем, я была не хрустальной – и сама с успехом выберусь, главное, не забыть прихватить с собой четки с Библией.

– Куда же вы, аббатиса? – опомнился этот мужлан, предлагая мне руку, которую я напрочь проигнорировала.

– Как куда, лорд Кроули? За вами, разумеется, – сходя на землю и вставая рядом с мужчиной, произнесла я. – Вы же не забыли, что я теперь буду следовать за вами буквально по пятам.

– Да-да, помню, – чуть раздраженно ответил он, пытаясь пропустить меня вперед исключительно приличий ради, но я не шелохнулась, пока Кроули не двинулся первым.

По пути к трактиру лорд раздал приказания своим людям напоить и накормить лошадей, а также занести сундук с его вещами в номер.

В этот самый момент я призадумалась: а не слишком ли я была опрометчива, заявив, что собираюсь следовать за Кроули “по пятам” – ведь фактически это означало один номер на двоих. Что даже в моем не самом целомудренном воспитании с трудом укладывалось…

Возможно, стоило заранее уточнить, что номера должны быть соседними, с одной смежной стенкой, чтобы я краем уха могла подслушивать, чем занимается ночами Кроули…

– А где ваши вещи, достопочтимая аббатиса? – перебил мои мысли мужчина.

И вправду – где?! Хотелось бы ответить честно – остались в доме, где Тень, скрытая артефактом, убила моего отца, половину слуг, а мне пришлось бежать через черный ход, даже не узнав, выжила ли мадам Роксана.

В своих желаниях я хотела верить, что она успела спастись, сбежать, так же как я. Но логика подсказывала – если Тень хотела скрыть следы своего преступления, то она избавилась от всех свидетелей. Этот подонок четко обозначил свои планы моему отцу, что собирается выдать вместо меня удобную для управления самозванку, и, если он имеет на руках свидетельство о признании и завещание, это не составит труда.

Роксана же могла все испортить.

– Преподобная, с вами все в порядке? – Кроули напряженно всмотрелся в мое лицо. – Только не говорите, что вы не помните, где ваш чемодан? А то возраст более сотни лет, знаете ли…

– У меня нет чемодана, – припечатала я. – Для комфорта мне достаточно Библии и благословения Божьего.

– Ах, ну да… как же я мог забыть про всю эту патетику об отречении от всего мирского. Расскажите это прихожанам, только крестик с бриллиантами спрячьте, – последнее он добавил едва слышно, скорее себе под нос, но я все равно услышала.

Вот же хам!

Тем более что Кроули наконец дошел до входа в трактир, где нас уже поджидала хозяйка этого места, стоящая за стойкой.

Пока лорд с ней беседовал, я разглядывала внутреннее убранство гостиницы и лишний раз убеждалась, что у Кроули замашки сноба, потому что назвать это место “дырой” у меня бы язык не повернулся. Чисто, светло, убрано. Интерьер, конечно, без лепнины и позолоты, в деревенском стиле, зато много растений и цветов в огромных кадках, стоящих буквально в каждом углу.

– Достопочтенная аббатиса, – отвлек меня Кроули. – Что вы предпочитаете на ужин? Или в этом отношении у вас так же, как с чемоданом, тоже хватает благословения Божьего?

– Поосторожнее в словах, лорд Кроули, – улыбнувшись, ответила я. – Иначе этого благословения может не хватить вам перед свадьбой. Впрочем, в еде я неприхотлива.

Я перевела взгляд на хозяйку таверны, которая, стоило только на нее взглянуть, выбежала из-за стойки и, упав передо мной на колени, схватила мою руку и принялась нацеловывать.

– Благословите, преподобная мать, – затараторила она, поднимая на меня молящий взгляд.

Пока я переваривала произошедшее, только и сумела пробормотать: благословляю. Ожидала, что женщина поднимется на ноги, но не тут-то было. Она еще чего-то ждала.

Припомнив слова из книги, пришлось перекрестить и дать поцеловать крест на четках. Лишь тогда она, обрадованная, вскочила на ноги и, все так же кланяясь, ушла за стойку, бормоча, что обеспечит мне и сопровождающему меня лорду лучший ужин, вино, завтрак, если понадобится, найдет музыкантов, а главное, сейчас нам подготовит лучшие номера.

– Номер! – поправил ее Кроули. – Один на двоих. Преподобная следует со мной для миссии очищения и обязана всегда присутствовать рядом.

– Мои поздравления со скорым бракосочетанием, милорд, – склонившись и перед ним, догадалась хозяйка, ни капли при этом не удивившись просьбе об одном номере. – Да пребудет с вами милость Божья во время исповедания!

Мне же оставалось мысленно выругаться.

Кажется, даже простые верующие люди были в курсе тонкостей обряда. Все, кроме меня, только сегодня о нем узнавшей, и Кроули – который был, похоже, еще дальше от религии, чем я.

Глава 5

Передо мной стояла тарелка с ароматным жарким из овощей и мяса птицы, бокал вина и душистый, только что из печи, слоеный пирог в качестве десерта.

А уж какие вокруг витали ароматы! Я не могла думать ни о чем другом, кроме как о еде.

Руки сами потянулись к приборам, а после вонзили вилку в аппетитную картошечку.

– А как же молитва? – вскинув брови, поинтересовался Кроули, сидящий напротив.

Стервец в отличие от меня никуда не спешил со своей жареной перепелкой и все еще возился, заправляя салфетку за воротник.

Вот гад! Он что, специально это делает, чтобы я подавилась от неожиданности и умерла прямо тут?

– Я произнесла ее мысленно, – с усилием проглотив первый кусок, ответила ему. – Но если вам очень необходимо, то дозволяю прочесть ее вслух, а я с удовольствием послушаю.

– Может, я вам и исповедоваться буду тоже мысленно? – предложил Кроули, наконец принимаясь за разделывание своего блюда. – А что? Мне безумно нравится эта идея. Будем сидеть наедине вечерами, я согласен даже по несколько часов кряду смотреть друг другу в глаза – я буду думать о своих грехах, а вы мне их прощать. Что скажете, преподобная?

– Я думаю, что вы неверно понимаете смысл обряда, – отложив вилку, решила прояснить я, припоминая все то, что сегодня вычитала в книге. – Очищение не достигается лишь разговором. Это высшая степень страдания, которую нужно испытать, а для этого следует открыть свою душу другому человеку. В вашей жизни, лорд Кроули, наверняка были поступки, которые тяготят вас. Они есть у каждого человека – то, что прячут в потаенных уголках души и даже сами не желают об этом вспоминать. И вот когда вы обнажите эти поступки передо мной, испытаете раскаяние – тогда мы вспомним этот разговор.

– Очень занимательно, но одну секундочку. – Кроули поднес ко рту кусочек перепелиного мяса, прожевал, запил вином, а после договорил: – А если у меня нет ничего такого в душе? Разумеется, я понимаю, что безгрешных не существует, и тем не менее… Я не такое уж чудовище.

– Об этом расскажете мне вечером, после ужина, лорд Кроули, – я тоже решила вернуться к еде, попутно договорив: – Начнем с вашего детства, уверена, вы грешили даже в самом раннем возрасте.

– Не думал, что вас заинтересуют пряники, украденные у смотрительницы приюта.

Я приподняла брови.

– Приюта? – уточнила на всякий случай.

– А вы разве не слышали? Я не принадлежу ни к одному из знатных родов. Выходец из народа, так сказать.

Я призадумалась, еще раз смерила взглядом мужчину.

Ему лет тридцать, может, чуть больше. Явно образован, одет изысканно, умеет поддержать беседу, знает этикет, имеет военную подготовку – выправку не скрыть.

У него тьма денег, его обожает народ и ненавидит, то бишь ненавидел мой отец. А еще у него титул лорда… И раз Кроули воспитывался в приюте, то стопроцентно купленный, что дозволялось в рамках закона за определенную, неприлично огромную сумму.

– Тогда тем более наши разговоры окажутся невероятно занимательными, лорд Кроули, – улыбнулась я. – Расскажете мне, откуда у выходца из народа столько денег, чтобы обеспечить себе свадьбу с принцессой.

Косточка от перепелиного крылышка треснула под вилкой лорда. Случайно или нет, сложно сказать, но улыбку с лица Кроули как ветром сдуло.

– Думаете, я не знаю, к чему вы клоните, аббатиса? Думаете, я идиот и не понимаю, зачем духовенство настаивает на обряде? – наклонившись через стол и чуть снизив голос, почти прошипел он.

Пришлось в очередной раз отложить вилку, точно так же перегнуться через стол, чтобы наши лица сблизились ровно настолько, что расстояние между ними определялось считанными сантиметрами.

– Рискните поделиться соображениями, лорд Кроули, – копируя его тон, ответила я. – А то, может быть, я не в курсе и что-то упустила за полгода странствий по миру с проповедями?

– Не прикидывайтесь, аббатиса, – продолжал шипеть он. – Все эти исповедания нужны духовникам, чтобы допечь меня лишний раз. Собираетесь промыть мне мозги вашими правильными речами, сломать, чтобы я выложил вам о себе все. А после управлять, как управляете сейчас королем. Так вот: не бывать этому. Или я не прав, аббатиса?

Он смотрел на меня открыто и с вызовом, обвинял в том, о чем я даже понятия не имела, но ответить все же пришлось:

– А зачем мы шепчемся? Я не глухая. Не стесняйтесь, лорд Кроули, если есть что сказать, говорите громче. Пусть все слышат. – Я выпрямилась, села ровно, вновь взяла в руки приборы и продолжила уже обычным голосом: – Что же касается вашего вопроса о правоте, то я могу со всей искренностью поклясться вам на любом артефакте, что понятия не имею, о каких заговорах против вас вы говорите.

– Да что вы? – выгнул он бровь.

– Совершенно определенно. Моя искренность взамен на вашу – это вполне справедливо.

Я ходила по краю и все же понимала, что не вру.

Если даже столичный орден строил какие-то планы насчет Кроули, то я и в самом деле не имела к этому никакого отношения.

И кажется, лорд мне даже поверил, потому что остаток ужина прошел вполне спокойно.

Приключения начались, когда мы поднялись в номер.

Однокомнатный! С огромной кроватью посередине. Остальная мебель тут хоть и была, но не столь ярко врезалась в мое напряженное сознание. Единственное,

что порадовало, так это ванная комната, которая здесь была расположена в отдельном помещении, а не огромная лохань, стоящая по соседству с постелью.

– Как любопытно, – оглядев номер, выдал Кроули. – Может, глубокоуважаемая аббатиса все же передумает и согласится спать в своем номере? Потому что я на пол спать не пойду.

С наглейшей усмешкой в глазах он взглянул на меня, ожидая реакции. Неужели ждал, что я сама соглашусь спать на полу?

Я же могла думать только о том, чтобы не покраснеть или не побледнеть. Вряд ли я могла бы контролировать эту реакцию организма, но она явно не соответствовала поведению мудрой и опытной аббатисы.

– Уверена, это недоразумение, и вообще тут душно. Откройте окно, лорд Кроули, – раскомандовалась я, ощущая, что краска все же вот-вот зальет лицо. – Нужно позвать хозяйку!

Ровно через двадцать минут пристыженная женщина заявила, что уладит недоразумение, и в номер внесли полностью меня устроившую кушетку.

Стоило только дверям закрыться за носильщиками, как я вновь осталась наедине с Кроули. Тот все это время стоял у открытого окна, наблюдая за мной со стороны.

– Знаете, аббатиса, я сегодня смертельно устал. Хочу наконец принять ванну и лечь спать.

– Вы еще не исповедались, – строго напомнила я, и Кроули закатил глаза к потолку.

– Да? Ну ладно, так и быть. Держите мой первый грех. – Уголок его рта криво дернулся, а после мужчина с показательной небрежностью произнес: – Сиротский приют, где я рос, находился недалеко от монастыря ордена Святого Жака, того самого, который сгорел двадцать лет назад дотла. Каждое воскресенье нас водили туда и заставляли рассказывать местной аббатисе о наших каверзах, которые мы, мальчишки, постоянно совершали. Если

рассказывал честно, то получал по одному удару розгой за каждый грех, если так же честно говорил, что вел себя подобающе, – стоял час на зернах гороха за вранье.

Кроули умолк, а я слушала затаив дыхание.

– И в чем же грех? – когда пауза затянулась, спросила я.

– А вы не догадались? – усмехнулся мужчина. – Это я поджёг монастырь, случайно, разумеется. Баловался с огненными стеклами возле стогов, а после стоял и смотрел, как пламя перекинулось на корпуса. К счастью, никто не пострадал, кроме строений, разумеется. Ну и сундука с ассигнациями аббатисы. Ох, как же она кричала и проклинала того, кто это сделал.

Кроули рассказывал все это и улыбался, ни капли раскаяния не было на его лице.

С огромным трудом я выдавила:

– Вы сожалеете об этом поступке?

– Ни капли. Разве что деньги следовало бы раздать обратно прихожанам, в остальном считаю это справедливой карой за несправедливые порки. – Мужчина наконец отлип от окна, прошел несколько метров до середины комнаты и замер у дверей, ведущих в ванную. – Ну так что, аббатиса, вы прощаете мне этот грех?

Я молчала из-за кома, застрявшего в горле.

Кроули спрашивал с издевкой, откровенно заявляя, что его вопрос – это вызов и проверка для меня.

Прощу ли откровенное поругание церкви, которым он гордился? А если нет, то что сделаю? Отругаю? Сдам духовенству?

Самое гадкое, что я понимала его поступок по-человечески. Простить обиженного мальчишку-сироту было легко, а вот лорда Кроули…

– Нет, – четко произнесла я. – Очищение несут лишь слезы раскаяния.

– Ну, как хотите, – довольно равнодушно пожал плечами лорд. – Не знаю, как слезы, но я уверен, что очищение несет горячая ванна в той комнате. И я намерен ее принять, так что прошу простить меня, преподобная, но вынужден временно оставить вас одну.

С этими словами он скрылся за дверью, я же опустилась на край кушетки и сидела так ровным счетом до момента, пока Кроули не вышел.

Полуголым! То бишь в одних нижних штанах, прикрывающих только то, что ниже бедер и выше колена.

Я нервно сглотнула, попыталась отвести взгляд, но не вышло.

Приличному мужчине в таком виде дозволялось появляться лишь перед женой, поэтому ничего удивительного, что я буквально прилипла взором к мощным плечам, обвитым буграми мышц, широкой груди, плоскому животу с тонкой дорожкой темных полос, уходящих под ткань исподнего…

Чисто из любопытства, разумеется, – но я разглядывала его слишком нагло.

– Вы бы постыдились, лорд Кроули! – наконец выдала я. – Появляться в таком виде перед девушкой?

– Девушкой? – мужчина показательно оглянулся по сторонам и даже зачем-то заглянул под кровать. – Сюда пришла девушка, пока меня не было? Или это вы о себе, аббатиса!

Он громко рассмеялся.

– Простите, конечно, но на втором столетии жизни вы себе польстили с омоложением, – договорил он. – А сейчас позвольте лечь спать. Кстати, я оставил вам воду, если необходимо.

Кроули прошел к кровати и без церемоний лег в нее, я же, стараясь не скрипеть зубами от досады (надо быть откровенной хотя бы с собой – все же ждала, что

мне уступят постель), прошла в ванную, где заперлась на крючок и щеколду.

Нужно было снять одежду аббатисы, привести себя и вещи в порядок. Никогда бы не подумала, что умение владеть бытовой магией может мне пригодиться в таких обстоятельствах.

Я и вправду могла обойтись одним комплектом одеяния и даже волосы вымыть и высушить без воды, если понадобится.

Что, собственно, и пришлось сделать, потому что в лохань после Кроули я не полезла, брезгливо отвернувшись. Разве что воспользовалась той водой, которую нашла в кувшине – умыла лицо и почистила зубы. А после, оставив на себе лишь нижнюю рубаху, наконец решилась выскользнуть из ванны.

Приоткрыла дверцу, воровато оглянулась и по богатырскому храпу с облегчением поняла, что Кроули уже спит.

– Спасибо тебе, Господи, – с настоящей благодарностью прошептала я, быстрой перебежкой добралась до кушетки и забралась под одеяло.

Пора было спать.

Глава 6

Утром я резко открыла глаза.

Показалось, что проспала целую вечность, но на деле, едва взглянув в окно, поняла – на улице только рассвет.

Кроули в отличие от меня продолжал спать, разве что храпеть перестал. Решив воспользоваться этим, соскользнула с кушетки и сбежала в ванную переодеться обратно в аббатису.

А заодно, раз представилась возможность, вытащила наконец из сокрытого в полах рясы специального кармашка документы – сертификат личности и духовную грамоту.

В первом нашла свое полное имя и возраст, а во втором, под личной подписью главенствующего отца, был утвержден мой статус аббатисы и принадлежность к ордену.

Так я наконец узнала, что “мое” имя – Эрнеста де Латисса и мне без малого сто семьдесят три года, судя по дате рождения… Вдобавок выяснилось, что в монахини я постриглась в свои восемнадцать и с тех пор продлевала у преподобного отца право на омоложение уже семь раз.

Я специально пересчитала печати с резолюциями Главенствующего, чтобы в этом убедиться. Выходило, что Эрнеста была на отличном счету в столичном ордене, оставалось только огромной загадкой, как она умудрилась потерять свой костюм и документы в месте, где их нашла я…

При воспоминаниях о том, как вообще удалось добыть рясу, меня нервно передернуло.

Выбежав из дома отца с кровью на руках, я промчалась в таком виде несколько кварталов, пребывая в состоянии шока. И лишь оказавшись в тупике между двумя зданиями, остановилась.

Уткнулась лбом в грязную холодную стену и долго так стояла, пытаясь отдышаться и вернуть себе самообладание.

У меня не было документов, денег, и я четко уяснила, что меня, скорее всего, станут искать враги отца, чтобы убить.

Нужно было убираться из Локшера как можно быстрее, но в том виде, в котором я оказалась, это было попросту невозможно. Я оглядела себя – руки и платье в пятнах крови, и где найти новую одежду, я не представляла.

В памяти воскрес один из советов мадам Роксаны, который она обронила однажды совершенно случайно, – в случае неприятностей можно попробовать

просить помощи у уличных дев. Они ровным счетом одинаково ненавидят полицию и мужчин, а значит, постараются помочь. Но при условии, если ты “своя”.

После этого несколько раз Роксана умоляла меня забыть эти слова, потому что не положено приличной девушке даже слов знать таких, как “куртизанки” и “продажа тела”. Но сказанного уже не воротишь, и, цепляясь за призрачную надежду, я и вправду поплелась по темным улицам, озираясь по сторонам в поисках того, кто мог помочь…

Незнакомка стояла на углу между кабаком и таверной, оперевшись спиной о стену и обнажив правую ногу в чулке – так, чтобы сомнений не оставалось – дамочка в поиске клиентов.

– Леди!!! – позвала я, боясь подойти первой под свет фонаря. – Уважаемая…

Услышали меня не сразу, лишь с пятого раза, женщина обернулась и поняла, что я обращаюсь к ней. Отлипнув от стены, она лениво прошла в мою сторону, покачивая бедрами.

– Что тебе? – бросила куртизанка, не дойдя до меня пары метров.

– Помощи, – ответила я, на что она лениво фыркнула.

Вблизи стало понятно, что женщина далеко не молода, лишь за счет яркого макияжа ее лицо казалось чуть моложе, чем было на самом деле. Зато ярко-рыжие волосы были без единой сединки.

– Я не помогаю тем, кого не вижу, – ответила она, разворачиваясь и собираясь уходить.

– Постойте, – я поспешила остановить ее и, убедившись, что на улице кроме нас никого, вышла под фонарь.

Женщине хватило нескольких мгновений, чтобы сделать какие-то свои выводы о появлении пятен крови на моих руках.

– Клиент? – спросила она, все же приняв за “свою”. – Мертв?

Растерявшись, я кивнула.

– Туда этим тварям и дорога, – равнодушно брякнула она. – Пошли за мной.

Она юркнула в ближайшую подворотню, а дальше вела меня закоулками так, что я едва поспевала за ней.

– Судя по платью, ты из элитных, – говорила она. – Или недавно только начала? Да не реви ты, со всеми бывает. Иногда либо ты, либо тебя. Так что все правильно сделала. В Локшере, правда, оставаться тебе нельзя. Сменишь город, обустроишься там.

– Вы так легко об этом говорите, – всхлипнула я, оплакивая смерть отца и понимая, что сейчас мне нельзя противоречить выводам этой женщины. Ее заблуждения – мое спасение.

– Не ты первая, не ты последняя. Большинство из нас проходили нечто подобное. Всё, мы на месте. – Она дошла до одной неприметной двери и, простучав неровный ритм, замерла.

Изнутри раздались шаги, после чего в дверях на уровне глаз открылась тонкая смотровая щель.

– Чего надо, Лисица? – грубо спросил женский голос с той стороны.

Вместо ответа рыжая куртизанка отошла чуть в сторону, показывая меня.

– Понятно, входите.

Защелкали многочисленные замочки, и дверь распахнулась. За ней стояла древняя скрюченная старуха лет восьмидесяти, она подождала, пока мы зайдем внутрь, после чего закрыла за нами вход.

Дальше меня провели по длинному темному коридору, который закончился тесной и такой же тускло освещенной комнатой, в ней были лишь стол и пара

стульев.

– Ты чья будешь, девка? – грубо спросила старуха, садясь за стол.

Я промолчала, не зная, что ответить. Правду говорить точно было нельзя.

– Запястья покажи, – приказала она мне тоном, которому нельзя было не подчиниться. – Нужно проверить, не беглая ли ты служанка.

Пусть и неохотно, но пришлось закатать рукава.

– Все понятно, – припечатала старуха, внимательно осмотрев мои ладони. – Ничейная, значит, подработать решила. Доигралась.

Я всхлипнула.

– Кастелянша, не трави девчонку, – заговорила молчавшая до этого женщина, которая меня привела. – Ей и так тошно. Помоги лучше.

– Помогу, конечно, для чего я по-твоему тут сижу. Таких дурех спасать. – Старуха поднялась и вытащила из кармана ключ. С ним она подошла к дверце в углу комнаты, которую я вначале даже не заметила. – За мной.

Чтобы пройти во вторую каморку, мне пришлось пригнуться, чтобы не удариться о верхний косяк.

Новая комната оказалась не чем иным, как складом тряпья или гардеробом. Тут как посмотреть… Сотни вешалок с одеждами и десяток сундуков с ворохом тряпья.

– Оденешь это, – старуха подошла к одному из ящиков, достала оттуда белую хламиду и перебросила мне. – Я покажу как.

Я расправила в руках ткань и обомлела.

– Послушница?

– А ты кого ожидала увидеть? Короля Рудольфа? – огрызнулась Кастелянша. – Снимай платье и надевай что дают. В этом наряде безопасно доедешь до любого города, никому и дела до тебя не будет, главное, почаще пялься в Библию. Потом осядешь где-нибудь и крутись, как сама знаешь. Чем могли, мы тебе помогли.

Я нервно сглотнула.

Мне предлагали облачиться в костюм девушки, готовящейся к постригу, что уже было огромным преступлением…

– А если меня поймают? – пробормотала я.

– Дадут плетей, – равнодушно ответила старуха. – Но это лучше, чем виселица за убийство. Да и потом, ты думаешь, мы совсем идиотки? Все шито-крыто, у тебя даже документы будут.

Она подошла ко мне ближе и вытащила из кармана хламиды духовную грамоту.

– Подделка? – предположила я.

– Вот еще, – усмехнулась старуха. – Знаешь сколько в наши ряды сбегает послушниц и сестричек, разочаровавшихся в этом религиозном дерьме! Мы для них, считай, единственный путь на свободу. Так что ты надевай, не стесняйся. Все чистое.

Я нерешительно потянулась к застежкам своего платья, а когда осталась посреди этого чулана в одной нижней рубашке и уже наполовину напялила хламиду, Кастелянша разочарованно цокнула:

– Чертовы крысы! Прогрызли ткань. – Она резво подскочила и принялась разглядывать дырку, которую я сразу не приметила.

Огромную, прямо на попе!

– И что теперь делать? – растерялась я. – Зашить?

– Скажешь тоже, ты хоть видела одну монашку с латаной задницей? Я вот – нет. – Кастелянша вновь подошла к сундуку, долго что-то искала, пока не извлекла с самого низа ларец.

Именно из него она достала новое одеяние, и даже в полутьме было понятно, что ткань в нем более дорогая, а золотая оторочка по низу намекала на высокое положение носительницы наряда.

– Сорок лет тут лежит. – Кастелянша встряхнула ткань, чтобы та выпрямилась. – Я тогда еще на улицах работала, как он появился. Редкая штуковина, принадлежал одной из аббатис ордена Святого Антуана.

– И где она теперь?

– А я почем знаю, – огрызнулась старушка. – Если бы не та драная тряпка, в жизни бы тебе этот костюм не дала. Так что давай шевелись уже. Надевай, пока я не передумала.

Она мастерски облачила меня в рясу, покрутила из стороны в сторону, а после достала из ларца еще Библию с жемчужными четками.

– Значит, так, – проинструктировала она. – Все это потом вернешь, пришлешь первым же почтовым дилижансом, как окажешься на новом месте. Себе не оставляй! Одно дело прикинуться послушницей, другое – аббатисой. Чай не дура, сама понимаешь, за такое розгами не отделаешься.

Я кивала и запоминала.

– Если кто остановит, документы в кармане. Но помни, аббатиса – это весомый чин, имеющий свою власть. Если будут проблемы, грози неприятностями с твоим орденом. Справишься?

Я вновь кивнула, продолжая стоять столбом.

– Ну раз справишься, иди, – старуха подтолкнула меня к выходу. – Лиса выведет тебя к порту.

– И что, даже не спросите моего имени? – удивилась я.

– А на кой оно мне? Вы, девки, меняете их по четыре раза за ночь, каждому мужику свое называете. Так что беги уже, и дай судьба тебе лучшей жизни…

* * *

Я тряхнула головой, напрочь выметая оттуда воспоминания. Как же крупно я влипла…

По сути теперь я носила не только украденную рясу, но и чужое имя…

В том, что ряса была ворованной, я даже не сомневалась: как еще она могла оказаться у куртизанок, да еще и припрятанной на сорок лет от чужих глаз.

Я прикусила нижнюю губу до боли, чтобы отрезвить себя. Быть может, зря я затеяла игру с Кроули? И мне следовало бы просто сбежать и затеряться, как я изначально и планировала?

Но как же тогда мой отец? А месть за него? А мои документы?

Они ведь наверняка где-то совсем рядом, нужно только их найти, чтобы вернуть свою настоящую жизнь.

Не зря же сама судьба свела меня с врагом так близко, словно давая шанс на справедливость? Как иначе бы я оказалась с ним в одной карете?

– Аббатиса! – раздался настойчивый стук в дверь ванны и наглый голос стервеца-лорда. Я аж чуть потолок головой не проломила от неожиданности. – Вы там что, в ночной горшок провалились? Сколько можно ждать, освободите уже ванную комнату!

– И вам доброго утра, лорд Кроули! – раздраженно ответила я. – Да будет оно благословенно и принесет только счастье!

– Если вы сейчас не выйдете, оно принесет мне только разрыв мочевого пузыря, – он стукнул в дверь еще раз.

А я, никуда не торопясь, поправила на себе одежду, еще раз разгладила все складочки руками, а после улыбнулась себе в зеркало…

Нет уж, лорд Кроули, если вы от чего-то и умрете, то точно не от такой безделицы, как отсутствие горшка. Я придумаю для вас что-нибудь более справедливое.

* * *

Ждать, пока лорд соберется, я не стала принципиально, вышла из номера первой и приступила к завтраку, как только его подала хозяйка.

Кроули же спустился, когда я заканчивала с кофе. Вчерашний костюм он сменил на новый, выглядел свежим, выспавшимся и донельзя довольным жизнью. А еще от него пахло дорогими духами с запахом сандала и цитруса…

Мужчина сел напротив, приставив трость рядом. Я покосилась на набалдашник с красным камнем в навершии и тут же отвела взгляд.

Разглядывать слишком откровенно не осмелилась, но у меня даже сомнений не оставалось – трость точно та самая, да и сам Кроули предпочитал не расставаться с артефактом. Даже когда он спал, трость стояла у кровати, чтобы в случае чего до нее было легко дотянуться.

– Ваши вчерашние слова запали мне в душу, аббатиса, – первым нарушил молчание мужчина.

– Какие именно?

– О готовности дать клятву на артефакте честности. Вы еще не передумали?

Сердце беспокойно кольнуло иголкой сомнения, но сворачивать с пути было поздно. За язык меня вчера никто не тянул.

– Не имею обыкновения забирать свои слова обратно, – ответила я и пригубила кофе, отставив на стол уже пустую чашку и собираясь уйти.

В этот момент к нам подошла хозяйка с завтраком для лорда на подносе и конвертом с незнакомой мне печатью.

– Это принесли для вас несколько часов назад, лорд Кроули, – доложила женщина. – Я не стала вас будить, так как посыльный сказал, новости не заставят вас изменить планы и вернуться в Локшер.

Кроули нахмурился, беря в руки конверт, и сломал печать:

– Это уже мне решать, – произнес он, доставая сложенное вдвое послание.

Я же резко передумала уходить:

– А можно мне еще кофе? – попросила хозяйку.

– Конечно, преподобная, все, что вы попросите, – расплылась та в улыбке, убегая за новой порцией.

– Да благословенны будут дни ваши, – поблагодарила я ее вслед, а сама уже косилась на Кроули.

Он читал, и лицо его с каждым мгновением превращалось в камень. Если минуту назад его настроение казалось прекрасным, то сейчас можно было только догадываться, какая буря бушевала внутри.

Дойдя взглядом до низа письма, Кроули скомкал послание и, положив комок на пустое блюдце, щелкнул пальцами. С них сорвалась алая искра, объявшая бумагу и превратившая ее в пепел.

Тоже маг – сделала выводы я, хотя в этом и раньше сомневаться не приходилось. Если Кроули был Тенью, то и уровень его явно повыше, чем мои бытовые фокусы.

– Что-то случилось? – словно невзначай поинтересовалась я.

– Да, аббатиса. Случилось. Градоправитель Локшера лорд де Сент был найден убитым у себя дома вчера утром, – мрачно заявил Кроули, отодвигая тарелку с едой, будто у него пропал аппетит.

Странная реакция, удивившая меня. Или это искусная игра, чтобы выглядеть “ангелочком” в моих глазах?

Скорее, второе, лорд же мечтал жениться на принцессе и получить протекции от короля, а значит, ему будет не с руки, если приставленная аббатиса доложит духовенству, что потенциальный наместник буквально плясал от радости, узнав о смерти своего конкурента.

Гораздо более выгодно будет выглядеть ситуация, когда Кроули белый, пушистый и расстроенный кончиной бывшего владельца города.

Хозяйка тем временем вернулась с горячим кофе и молча поставила передо мной.

– Вы расстроены, лорд Кроули? – спросила я, беря в ладони чашку и совершенно не замечая, что она обжигает мои руки. Сохранять собственное спокойствие в этот момент оказалось слишком сложно. Появилось даже желание вылить напиток прямо на черные вихрастые волосы этого подонка. – Были дружны с этим человеком?

– Нет, – ответил гад. – Я его ненавидел, но я раздосадован.

– Чем именно? – продолжала спрашивать я, все еще борясь с желанием членовредительства.

– Тем, что этот старый козел сдох так не вовремя. – Кроули нервно постучал пальцами по столешнице, а после резко поднялся из-за стола, так и не притронувшись к еде. – Нам пора, аббатиса. Мы уезжаем.

– Обратно в Локшер? – ужаснулась я перспективе и дернула руками, расплескав кофе по ладоням.

Кроули нервно дернул головой и смерил меня долгим взглядом.

– Вы так спросили, будто боитесь этого.

– Мне нечего бояться, – выдавила я, тряся обожженными руками, а у самой при этом сердце колотилось будто бешеное. – Просто кофе был горячим. Обожглась.

– Тогда мой ответ – нет, в Локшер мы не вернемся. Едем дальше, – ответил Кроули. – Нужно в срок попасть к королю на аудиенцию.

“Хочет побыстрее занять место моего отца”, – догадалась я и сжала посильнее челюсти от злости и ожога в ладонях.

И как меня только угораздило обвариться?..

– Подождите, – поспешила я за Кроули, прихватывая со стола свою книгу и четки. – Но почему “не вовремя”? Я хоть и была полгода в странствиях, но многое слышала, и если не ошибаюсь, то смерть прошлого градоправителя вам только на руку.

Кроули резко остановился и обернулся, раздраженно посмотрев мне в глаза:

– Опытная, говорите? – усмехнулся он. – Только у этой выгоды есть и обратная сторона медали, аббатиса. Теперь весь Локшер считает, что его убил я. И мне это ни черта не выгодно.

– Не упоминайте дьявола, – вспоминая о своей роли, вставила я.

– А вы тогда помолчите о Боге, аббатиса. Мне нужно подумать.

Глава 7

В карете трясло нещадно. Кроули приказал свернуть с основного тракта, чтобы заехать к источнику Правосудия, а дорога к нему оставляла желать лучшего.

– А ничего поближе не нашлось? – спросила я, когда колесо наехало на очередную колдобину и меня подкинуло макушкой в потолок. – Вы же сами сказали, что желаете побыстрее попасть к королю, а лишний крюк в сорок миль только задержит нас.

– Успеем, – упрямо ответил Кроули, возвращаясь к изучению карты королевства. – Это единственный открытый источник для посещения в этой провинции. – Как раз доберемся к обеду.

Я устало вздохнула. Спорить бесполезно, да и не в моих интересах. Кроме того, источник Правосудия – это было и в самом деле весьма интересное место. Испивший чудесной воды из кубка отвечал правду и только правду на любой заданный вопрос.

Но и минусы у этой “сыворотки правды” были – действовала она буквально полминуты, а после у человека образовывался эдакий “иммунитет” на ее действие, которого в среднем хватало лет на десять.

Именно поэтому источником пользовались в основном любопытные паломники да влюбленные парочки, желающие проверить свои чувства. Иногда к нему еще приводили заключенных в попытке выведать правду, но это случалось достаточно редко. Все же за полминуты не слишком многое можно узнать, но для Кроули и этого было достаточно.

Жаль только, источник ожоги не лечил. Мне бы сейчас пригодилось.

Я с тоской посмотрела на алые пятна на ладонях и на несколько волдырей. Кожа до сих пор горела, а любое движение приносило боль. Пришлось отказаться от идеи дальнейшего изучения Библии, уж слишком больно оказалось даже просто держать ее на весу.

– Раз успеем, могу ли я попросить остановить карету на две минуты? – спросила я, приметив на одной из обочин широкие листы прохлад-травы.

– Да, пожалуйста, – Кроули постучал в стенку кареты, приказывая вознице притормозить коней.

Я выскользнула наружу и, едва сдерживая шипение, нарвала лечебных растений: теперь нужно было приложить их к ожогу – и обычно уже через полчаса становилось легче.

– Это еще что за гербарий? – спросил Кроули, когда я вернулась.

– Прохлад-трава, – ответила, не обращая внимания на его сарказм, и принялась прикладывать листы к горящей коже.

Кроули закатил глаза к потолку.

– С тем же успехом можно помолиться, и тогда, возможно, Бог свершит чудо и ожоги пройдут сами, – саркастично продолжал Кроули, склоняясь ко мне ближе. – Покажите, что там у вас. И выбросьте уже эту грязь, еще заразу занесете.

И требовательно протянул руку к моей ладони, так будто я ему должна что-то.

– Вот еще…

– Не дурите, аббатиса, – Кроули буквально поймал меня за запястья, заставляя вывернуть руки ладонями вверх. – Да не дергайтесь, тут работы-то на две минуты.

Я застыла, не совсем понимая, что этот гад собирается делать.

Но держал он тем не менее крепко, пришлось бы брыкаться ногами, чтобы попробовать выпутаться.

Мужчина же прикрыл глаза, сосредотачиваясь, и к моим рукам от его пальцев поползла спасительная прохлада.

Едва сдерживая удивление, я наблюдала, как кожа исцеляется, а волдыри исчезают…

– Вы еще и целитель? – удивилась я, когда Кроули отпустил мои руки и сел обратно на свое место.

– Спасибо, лорд Кроули, – будто передразнивая, ответил он. – Не надо благодарностей, аббатиса.

Я вспыхнула от возмущения. Вот же хам!

– Ну раз не надо, тогда обойдетесь без “спасибо”, – огрызнулась в тон я. – Но на вашем месте я бы задумалась, захочет ли принцесса выйти замуж за человека с такими манерами.

– Она выходит не за меня, а за мои деньги… – усмехнулся Кроули. – Зато теперь я точно знаю, почему вы, аббатиса, за сотню-другую лет так и не нашли семьи лучше, чем монастырь. Похоже, только там могут стерпеть ваш адский характер.

– Побойтесь Бога! – возвысила я голос от возмущения.

– Вот еще! – фыркнул лорд. – Бояться нужно людей, особенно тех, что в белой одежде. Они имеют обыкновение скрывать под ней черные дела.

Договорил и отвернулся к окну, ясно давая понять, чью белую рясу имел в виду и что разговор окончен.

К источникам, как и планировалось, доехали к обеду.

Я ожидала увидеть грандиозное сооружение вроде помпезного храма с колоннами, уходящими в небо, и кучей людей вокруг, приехавших поглазеть на диковину.

На деле все оказалось куда более прозаично – колодец, вымощенный камнем, посреди леса и старик-привратник с ведром для монет.

Вид у него был скучающим, отчетливо говорящим: “Опять какие-то идиоты приехали”.

– Десять монет, – произнес он, когда мы с Кроули подошли ближе.

– Доброго дня, – попытался проявить уважение лорд.

– Десять монет… – все тем же тоном ответил старик, явно показывая, что плевать ему – день сейчас или ночь, добрая или злая. Деньги на бочку – и точка.

Кроули достал из кармана золотой и бросил в ведро к медякам.

Стоило только стихнуть денежному звону, как старик оживился.

– Чем могу служить, милорд? – встрепенулся он, лихо вскакивая на ноги.

– Сгинь! – приказал Кроули. – Чтобы духу твоего здесь не было в ближайшие полчаса.

– Слушаюсь, милорд.

Старика и след простыл, мне оставалось только удивляться скорости сверкания его деревянных истоптанных башмаков…

Я первой подошла к колодцу, заглядывая внутрь. Вода плескалась где-то на самом дне и по виду ничем не отличалась от любой другой воды в луже или колодце. Может, тут и не было никакого источника правды? А все лишь россказни, чтобы один старик собирал свои десять монет с каждого любопытствующего?

Кроули тоже подошел, но заглядывать внутрь не стал, сразу потянулся к журавлю с ведром на цепи. А после я наблюдала, как мужчина в дорогущей одежде поднимает воду, не боясь замарать рук и костюма, чтобы поставить ведро на край колодца и позвать меня.

– Теперь ваша очередь, аббатиса. Пара глотков, и я задам вам вопрос.

– Что, прямо из ведра? – удивилась я.

– Ну, извините, бокалов для вина тут не предусмотрено. Смелее. Она не отравлена.

– Откуда знаете?

Признаться, моей уверенности поубавилось с тех пор, как я пообещала Кроули пройти сие маленькое испытание. Одно дело бахвалиться, сидя за столом в гостинице, а другое – смотреть на воду из волшебного источника и действительно выпить ее.

А если Кроули задаст какой-то другой вопрос? Не тот, который планировал?

Или вода и вправду окажется ядовитой?

– Не отравлена. Я был тут пятнадцать лет назад, – ответил Кроули. – И как видите, жив. В этом месте вообще ничего не изменилось с тех пор, даже старик тот же самый.

– А что вы здесь делали? – попыталась я потянуть время новым вопросом.

Кроули ехидно улыбнулся.

– Отвечу на этот вопрос сразу после того, как вы ответите на мой, – лорд постучал пальцами по ведру.

От страха я даже перекрестилась, в очередной раз звякнув жемчужинками.

– Не поможет, – будто назло, усмехнулся стервец. – Пейте уже, а то зря теряем время.

Сжав челюсти, я сделала решительный шаг вперед. Кроули пообещал мне ответ на мой вопрос, а ради этого стоило рискнуть.

Ледяная вода обожгла горло так, что свело зубы, а я закашлялась, совершенно не ожидая, что окажется настолько холодно. Казалось, мороз пробрал меня от желудка и до самой последней клеточки тела, от ногтей и до кончиков волос. Я будто сама стала льдом, и все мои мысли тоже покрылись инеем.

– Что замышляет духовенство? – будто из ниоткуда раздался голос. – Вас послали расстроить свадьбу?

Я потеряла уверенность, что со мной говорил Кроули, этот голос был явно другим. Милым, теплым, хорошим, согревающим. К нему хотелось тянуться, чтобы весь мороз как можно скорее ушел из тела, а для этого нужно всего лишь ответить правду.

– Никто меня не посылал, – выдохнула я. – Я не понимаю даже, о каком заговоре речь.

Договорила, и холод, сковывающий тело, в мгновение отпустил, а я обессиленно полетела на подогнувшихся коленях вниз.

Но удариться не успела, руки Кроули подхватили у самой земли, не давая упасть.

– Второй раз за день лечить не буду, – произнес он, встряхнул, будто куклу-марионетку, и поставил на ноги. – Держитесь? Вот и отлично, аббатиса. Что, нелегко дается правда?

Я хватала ртом воздух, держась одной рукой за колодец, а второй за плечо Кроули. Вцепилась, словно клещ, и выпустила только тогда, когда поняла, что хватаюсь за убийцу собственного отца.

Захотелось брезгливо вытереть руки, предварительно вымыв их в этой самой воде правды.

– Я старая женщина. Знаете ли, восемнадцатый десяток пошел, мне многие вещи даются нелегко, – хрипло отозвалась я, опуская глаза. Оказалось, что, падая, я уронила четки, пришлось наклониться и поднять их, а после, выпрямившись, с вызовом посмотреть в глаза Кроули. – Вы удовлетворены моим ответом?

– Вполне, – согласился он.

– Тогда теперь ваша очередь, – кивнула я на ведро. – Ваша очередь, лорд!

Кроули пожал плечами, и с видом, что скрывать ему особо нечего, подошел и отпил несколько глотков.

Тотчас же я увидела, как эта магия работала со стороны. Легкое голубоватое свечение объяло фигуру мужчины, движения его замедлились, и я поняла, что нужно задавать вопрос.

Время в буквальном смысле утекало как вода.

– За что вы убили лорда де Сента? – выпалила я.

Хотела услышать ту тайну, которую отец унес в могилу и которую Тень боялась от него услышать.

– Я его не убивал, – ровно прозвучал ответ. – Я вообще никого не убивал. Разве что таракана на прошлой неделе и сотню комаров. Но они, уверен, не в счет.

Меня повело чуть в сторону.

От неожиданности и удивления. Будто земля ушла из-под ног, я схватилась за ведро, нечаянно столкнула его в колодец. Оно с плеском упало где-то внизу, и этот звук эхом отразился в моих ушах.

Кроули мне врал, совершенно определенно. Я ведь видела убийцу, видела Тень с тростью как у него, слышала тот разговор о свадьбе. Мой отец выступал против союза Кроули с принцессой, а значит – сомнений не было.

Но только как лорд обошел магию источника?

Может, у него еще сохранился иммунитет после пятнадцати лет? Или он слукавил с ответом, как и я? Неточная формулировка дала лазейку? Моего отца ведь убила Тень…

– Аббатиса, вы побледнели? С вами все в порядке?

– Нет, – честно ответила я. – Не в порядке.

– То-то я и вижу, – задумчиво протянул лорд. – Вопросы странные задаете. Неожиданные, так сказать. Какое вам дело до мертвого градовладельца?

Ответ стоил мне огромных усилий:

– Никакого, – выдохнула я, выпрямляясь и возвращая себе равнодушное выражение лица. – Я просто хотела убедиться, что не еду в одной карете с убийцей.

– И как? – сощурился мужчина. – Мой ответ вас устроил?

– Вполне, – ответила я вслух его же словами, но мысленно заканчивая: “Только тараканов и комаров жалко, они могли бы умереть от руки и более достойного человека”.

Глава 8

Я пребывала в полной растерянности.

Как же так? Что я упустила? Где ошиблась?

Может, Кроули не лично убил моего отца, а нанял кого-то?

Но эту мысль я тут же отмела, не стыковалась эта версия с тем, что я видела.

Мой батюшка точно знал, кто за ним пришел, ведь разговаривал с ним на равных, и Тень явно знала, что отвечать.

Но если не Кроули, тогда кто?

И что в таком случае делаю я в этой карете?

Выходило, что убийца моего отца по-прежнему мог находиться где угодно и я ничего о нем не знала, зато тратила время на игру в преподобную.

Разве не логичным было бы прекратить мое путешествие прямо сейчас?

Сойти с кареты в следующем городе и покинуть Кроули, сославшись на неотложные дела?

Правда, что-то подсказывало – теперь лорд меня не отпустит.

С его жаждой породниться с королевской семьей, аббатиса ему просто жизненно необходима, тем более проверенная водами волшебного источника.

С другой стороны, может, и хорошо, что я в одной карете с Кроули?

Отец ведь приказал мне бежать из Локшера, а будучи в карете с лордом, который оплачивает еду и ночлег, я вполне могла добраться до столицы и сбежать уже там.

Да и к Кроули у меня оставались вопросы. В частности – трость. Откуда она у него, что за артефакт в ее навершии и где он ее купил?

Если следовать логике, то убийца взял ее в том же месте, а значит, будут шансы найти его, связавшись с артефактором.

– Аббатиса, – привлек мое внимание Кроули спустя несколько часов езды.

Я перевела взгляд от окна на лорда.

– Слушаю вас.

– Мне не дает покоя вопрос, который вы задали.

Мои плечи немного напряглись, но я тут же попыталась успокоиться.

– Я ведь уже объяснила причины. Мне кажется, желание узнать, не опасен ли попутчик, вполне закономерно.

– И я прекрасно понимаю это, – задумчиво ответил Кроули. – Но сама формулировка. Вы спросили не просто: убивал ли я де Сента или нет. Вы спросили, зачем я это сделал, а значит, были уверены, что преступление

совершил я.

Черт, мои пальцы невольно задрожали, и, чтобы хоть как-то скрыть тремор, я вцепилась в четки, едва не порвав их.

– У меня было всего тридцать секунд, – напомнила я. – Вдобавок я себя не очень хорошо чувствовала, задала первую пришедшую в голову формулировку.

– Я бы поверил в это, если бы считал вас дурой, – покачал головой Кроули. – Но после суток общения с вами я в этом совершенно не уверен.

– Мне счесть это за комплимент? – попыталась перевести я тему и даже улыбнулась.

– А вы что, со мной сейчас кокетничаете? – выгнул брови Кроули. – Боже упаси, аббатиса. Скажите, что мне это показалось!

Вот гаденыш! За такие речи в приличном обществе дама имела право нахлестать наглеца по щекам.

В этой же карете и в статусе преподобной стасемидесятитрехлетней женщины я могла лишь скривить губы и поерничать:

– Кажется, общение со мной положительно на вас влияет, лорд Кроули. Вы уже начали призывать Бога. Еще немного, и мы начнем совместно молиться. К слову, когда мы остановимся на ужин и ночлег?

Мужчина задумчиво выглянул в окно, где за лесными деревьями солнце только начинало скатываться к горизонту.

– Думаю, к полуночи, – уже совершенно серьезным голосом ответил он. – Сегодня необходимо наверстать время, потерянное на путешествие к источникам. Остановимся где подвернется. Если же не найдем подходящего постоялого двора, разобьем шатры.

Я зябко поежилась от перспективы и все же понадеялась на лучшее.

Как оказалось, зря – погода стала стремительно портиться.

Словно назло мне, откуда ни возьмись налетел ветер, нагнал туч, и вдобавок начался сильнейший ливень. Еще с час лошади тащили карету, борясь со стихией, размытой колеей дороги, пока экипаж и идущий за ним обоз не застряли.

– Приехали, – мрачно заявил Кроули, приоткрывая дверцу кареты, чтобы выйти.

– Вы что, серьезно собрались на улицу? – не поверила я, глядя на ужасные лужи и грязь.

У самой уже зуб на зуб не попадал, но я продолжала гордо сидеть с прямой спиной и делать вид, что мне не холодно.

– Разумеется, нужно помочь вытолкать экипаж из колеи и разбить лагерь. – Лорд буквально спрыгнул под ледяные струи дождя, не жалея ни дорогого костюма, ни начищенных сапог. – Вот, держите, аббатиса. Накиньте пока на себя.

Кроули снял с себя камзол и передал мне.

Моя гордость хоть и пыталась оказывать сопротивление, но я ее нагло проигнорировала. Прихватила одежду и сама не заметила, как завернулась в нее, будто улитка в собственную раковину.

Глядя на меня, Кроули усмехнулся, но ничего не сказал.

Молчала и я, разглядывая, как небесная вода пропитывает тонкую рубашку на мужчине, делая ее полупрозрачной настолько, что я видела буквально каждую черточку мышц на его плечах и груди…

А потом он ушел, как и сказал, – помогать своим людям.

В тусклом свете одиноких каретных фонарей я различала лишь силуэты: мужчины возились, окапывая колеса и подкладывая под них ветки, а после лошади вытаскивали экипаж из колеи.

Все время, пока Кроули мок снаружи, я сидела в карете, закутавшись в его камзол, и понимала, что из-за холода все глубже и глубже зарываюсь в чужую одежду, натягивая ворот буквально до самого носа и вдыхая аромат терпкого мужского парфюма.

От утренних нот сандала и цитруса теперь улавливались лишь едва заметные отголоски, на первый план вышли запахи корицы и бергамота – удивительно бодрящее сочетание, даже возбуждающее…

Я поймала себя на пугающей мысли, что втягиваю этот аромат с невольным, практически постыдным наслаждением.

– Вы там еще не замерзли, аббатиса? – Кроули возник около дверцы и заглянул внутрь кареты.

От неожиданности я встрепенулась и зачем-то принялась стаскивать с себя камзол.

– Не нужно, оставьте себе, – остановил мужчина. – Лучше скажите, я ведь правильно понимаю, у вас есть способности к бытовой магии?

– Откуда вы знаете? – удивилась я.

– Вы путешествуете без вещей, – припомнил мне вчерашнее Кроули. – А ваша одежда не теряет свежести, мне кажется, вывод очевиден.

– Мои способности невелики, – призналась я. – Но если я чем-то могу помочь…

– Можете, – перебил Кроули. – Мы разбили шатры, один для прислуги, один для нас с вами, но одежда моих людей намокла, а сундуки со сменной простой люд не привык возить. Сможете ли вы ее высушить, чтобы им не пришлось спать в таком виде?

Прикинув количество людей, я кивнула. Это заберет у меня немало сил, но в конце концов, в этом не было ничего сложного, чтобы отказывать.

– Если хотите, я достану для вас зонт, – предложил Кроули. – В одном из моих сундуков наверняка найдется.

Я покачала головой, представив, как кто-то будет рыться в сундуках, ища для меня зонт и при этом промокая еще больше.

– Не нужно, – вслух произнесла я. – Если что, я сумею просушить и свою одежду.

Уже через полчаса я пожалела о своих словах.

Свой магический резерв я все же переоценила, либо недооценила степень мокроты чужой одежды.

Два кучера и четверо охранников вымокли в буквальном смысле до исподнего. Благо никто их них не стал меня смущать, и сушить пришлось прямо на них, не снимая одежд.

Когда я закончила с последним, то едва стояла на ногах.

А ведь еще оставался Кроули, с которого уже накапала целая лужа у входа в шатер прислуги.

– Теперь с вами, – едва ворочая языком, произнесла я, переводя взгляд на лорда.

– Не утруждайте себя, аббатиса, – ответил лорд, подходя ближе и предлагая руку для опоры. – Я найду во что переодеться. В вашем же возрасте нагрузки противопоказаны.

– И все же вы хам, лорд Кроули, – отозвалась я, но руку таки приняла.

Сил и вправду не было, меня штормило от перенапряжения, и Кроули как маг не мог этого не заметить.

– Пройдемте лучше в наш шатер, – проговорил он, выводя меня на улицу.

Ливень здесь почти закончился, теперь лишь одинокие капли падали с деревьев, а вот холод по-прежнему стоял собачий, и ветер продувал насквозь. Радовало, что хоть в шатрах теплее.

Тем более если у прислуги походный ночлег был сделан дешево и без изысков, то палатка для Кроули соответствовала его статусу.

Внутри обнаружилось и магическое освещение, и походная раскладная кровать с теплым одеялом, и даже простенький умывальник.

А вот со стульями не сложилось, мне даже оказалось негде присесть. Пошарив взглядом и так ничего не найдя, я умостилась на краю кровати.

– Сильно замерзли? – проявил заботу Кроули, налаживая крепежные замочки на входе в шатер.

– Бывало и лучше, – призналась я, все еще рассеянно скользя взглядом по шатру.

Вопрос, как мы оба будем здесь спать, пока оставался открытым.

– Скоро мои люди принесут чай и разогреют еды, – ответил Кроули. – Хотите, я их потороплю?

– Была бы вам благодарна, – произнесла я и зевнула то ли от усталости, то ли от холода.

Мне и вправду было смертельно зябко, почти так же, как после глотка из источника Правосудия, только в этот раз вопросов мне никто не задавал.

Наоборот, Кроули вел себя подозрительно мило и даже слова не сказал, когда я потянула на себя одеяло и накинула на плечи.

Он просто следил за мной, а я за ним, все таким же мокрым и раздражающим в своей полупрозрачной рубашке. Она, будто назло, притягивала мой взгляд, заставляя разглядывать его все больше. Хотя это было постыдно и недостойно.

Ну подумаешь, у него грудь кажется мощной и нерушимой, будто камень, а от любопытства даже хочется ткнуть в нее пальцем и скользнуть вниз, чтобы пощупать живот. Вдруг это только иллюзия твердой притягательности? Чтобы такие неопытные дурехи, как я, не могли отвести глаз?

Принцессе наверняка тоже понравится, я слышала, она моя ровесница.

– Вы бы переоделись, кстати, – наконец нашла я в себе силы хоть что-то произнести. – Еще заболеете ненароком. Учтите, отпускать ваши грехи на смертном одре я не стану.

– Не очень-то и нужно, – фыркнул Кроули, собираясь выйти из шатра. – Я скоро вернусь. Смотрите не усните, аббатиса.

– Не дождетесь, – устало огрызнулась я ему вслед. – Вы мне еще не рассказали о ваших грехах.

Ответом мне послужил лишь пугающий вой ветра снаружи.

От неуютности обстановки я скинула с ног башмаки и подтянула ступни под себя, еще плотнее укрываясь в одеяло.

Когда Кроули вернется, я услышу и успею принять прежнюю позу, а пока в попытке согреться прикрыла глаза, дышала теплым воздухом под одеялом и представляла, что я – нахохлившийся воробей на зимнем ветру…

Сижу на ветке рябины, наблюдаю, как снег белым полотном укрывает всю землю, как полотно становится мягкой подушкой, на которую ложится моя голова, и одеяло, укрывающее меня, тоже из снега, только мне под ним не холодно, а наоборот, жарко.

Особенно спине и груди… и так хорошо и комфортно, что хочется спать и спать, до бесконечности.

Но на соседние ветки садятся птицы, которые заводят свою звонкую песнь, и приходится открыть глаза, встречаясь с реальностью.

Все еще ночь. Шатер. И Кроули на одной кровати со мной. Прижимающийся и даже обнимающий так крепко, что вскрик неожиданности сам вырывается из моей груди.

– Зачем же так орать? – голос Кроули прозвучал сонно и беспечно. – Мне, может, тоже брезгливо спать с двухсотлетней старухой, но я же не ору.

– Брезгливо?! Уберите руки с моей груди! – взвилась я, пытаясь спихнуть с себя огромную лапищу.

– А вы – задницу с моей кровати, – отозвался хам, переворачиваясь на другой бок. – И вообще, спите дальше, аббатиса. Мне до вас и дела нет.

И в подтверждение своих слов этот гад захрапел.

Меня затрясло от негодования.

Я вскочила с места, ощупала себя в полутьме. Убедилась, что одежда на месте, разве что все перекособочилось, будто у уличной девки, а кишнот[1 - Кишнот – головной убор монашки.] и вовсе потерял свою форму, превратившись в изломанное белое нечто.

Теперь, чтобы вновь надеть его на голову, пришлось бы немало повозиться.

И придется!

Я бросила гневный взгляд на Кроули, который продолжал беззаботно спать. Меня же продолжало колотить только от одной мысли, что мы лежали не просто рядом, а почти в обнимку!

Немыслимо!

Ужасающе!

Будь я сейчас в статусе незамужней девушки, это было бы немыслимым позором до конца дней.

В статусе аббатисы же я понятия не имела, что делать.

Разумеется, я была оскорблена и наверняка запятнана. Церковь явно осуждала подобные вещи в отношении монахинь, а посему я, наверное, теперь должна была неистово молиться, прося у Бога прощения.

Вот только вместо этого я толкнула Кроули в бочину, да так сильно, насколько сил хватило.

– Да что вы себе позволя… – он резко сел на кровати.

– Помолчите! – перебила я, принимаясь гневно расхаживать по шатру из стороны в сторону. – Этот вопрос должна задать вам я. Что вы себе позволяете, господин Кроули? Как только посмели?

– Да что я, собственно, сделал? – зевнул он.

– ВЫ! Вы!!! – Я начала тыкать в него пальцем с таким остервенением, будто это была шпага, пронизывающая его сердце. – Вы ведь все это специально подстроили. Так? Признайтесь, Кроули! Чтобы избежать разговора о ваших грехах!

Мужчина принялся хохотать.

– Что я подстроил? Ливень? Вы сейчас серьезно? – наконец отхохотавшись, спросил он.

– Не прикидывайтесь идиотом. Вы знали, что я буду уставшей после магического перенапряжения, и нагло этим воспользовались. А потом… потом…

Я задохнулась от гнева, пытаясь подобрать слова.

– Что потом? – решил подсказать мужчина. – Возлег с вами на одно ложе?

Я все же хлестнула его по щеке.

Яростно и со всей злостью.

Кажется, такой реакции он от меня не ожидал.

– Думаете, что если я слуга Божья, то обязана всепрощать? – процедила я. – Прежде всего я женщина и требую уважительного отношения. А не вот это все!

Кроули смотрел на меня, прижав руку к щеке, и я могла лишь догадываться, что творится у него внутри, но вот в его глазах плясал огонь.

И это был не отблеск случайного фонарика или свечи…

Кроули поднимался с кровати, выпрямляясь в полный рост.

– Уважительного отношения, значит, аббатиса? – медленно произнес он, будто нарочно растягивая слова. – Именно это я и сделал, когда вышел из шатра, чтобы принести вам чай и еду.

Я проследила за взглядом Кроули и уткнулась в стоящий возле кровати поднос. На нем и вправду стояли чайник и тарелка с нетронутым съестным.

– Но я обнаружил вас спящей и, простите, сопящей, будто беременная ежиха. И как джентльмену мне совести не хватило будить вас. Но в следующий раз я точно буду знать, что делать – растолкаю, проведем разговор по душам о грехах, а после отправлю вас спать на лавку с прислугой. Раз рядом со мной на кровати для вас слишком оскорбительно!

Я вспыхнула от новой порции гнева.

– В приличном обществе мужчина уступает место женщине!

– Не спорю, в приличном так бы и поступил. Но вы, аббатиса, общество духовное, – Кроули усмехнулся и с издевкой продолжил: – Безгрешное и отрекшееся от мирских удовольствий. Так что лавка, аббатиса, и так и быть – я выделю вам одеяло.

Мы стояли друг напротив друга. Он – буквально нависающий надо мной и пытающийся подавить.

И я – существенно ниже его, но не отступившая ни на шаг.

– И не надейтесь на лавку, – ответила я. – Или вы забыли, что я должна быть всегда как можно ближе к вам? Если понадобится, то я лягу на полу этого шатра, но только после того, как вы мне расскажете о своем очередном грехе.

– На полу? Вы? – Он явно мне не верил. – После моего очередного откровения. Ха. Что ж, тогда слушайте, преподобная. Ибо я согрешил, имел неосторожность случайно покуситься на ваше тело и положить руку куда не следовало. Отдельно хотел бы отметить, что весьма удивлен магическим даром духовника, проводившего ваше омоложение. Поддержать в столь изумительном состоянии не только ваше лицо, но и почти двухсотлетнюю грудь – это огромный талант. Высока, упруга и, если бы не ваш возраст, безусловно притягательна. Ради праздного любопытства, признаюсь, даже бы взглянул! Вот говорю, и самому противно. Ну не грязный ли я извращенец, аббатиса?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кишнот – головной убор монашки.

Купить: https://tellnovel.com/soul_diana/sem-grehov-lorda-krouli

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити